

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.1

Е. Л. Сараева

Проблематика «личности» в письмах В. Г. Белинского начала 40-х гг. XIX в.

В статье анализируются идеи В. Г. Белинского-реалиста о развитии личности, позволяющие интерпретировать тип культуры западников 40-х гг. XIX в.. В 1840–1841 гг. Белинский переосмыслил свое романтическое мировоззрение, выработав новые критерии оценки взаимоотношений индивида с социумом. В письмах к друзьям Белинский размышлял над различными вопросами общественной жизни, социальными и нравственными проблемами, раскрывался в письмах как личность и мыслитель. Проблематика личности была главной в идейном поиске Белинского. Переосмысление критериев жизненных ориентиров человека было связано с его новым воззрением на действительность. Он защищал личность как высшую ценность. В статье реконструированы элементы модели дружбы, выработанной реалистами 40-х гг. Дана характеристика «прекраснодушия» (восхищение высокими качествами друзей, увлечение возвышенными идеалами) как специфики межличностных отношений, сложившихся в кругу Станкевича. Отмечается, что война Белинского против «прекраснодушия» была его борьбой за искренность, свободу и доброжелательность в отношениях между людьми. Раскрыта диалектика мысли Белинского об «идеале» и «действительности». Доказывается, что понимание действительности как конкретной реальности позволило Белинскому решать проблему самореализации личности в контексте жизненных обстоятельств и культуры данного общества. Акцентируется внимание на идее Белинского о значимости гражданской деятельности в интересах частного человека. В статье дан анализ дискурса Белинского-реалиста, раскрывается смысл употребляемых им понятий в контексте идей.

Ключевые слова: Россия, история, интеллигенция, В. Г. Белинский, западники, личность, «идеалисты» 30-х гг. XIX в.

Е. L. Saraeva

Range of Problems of "Personality" in V. G. Belinsky's Letters in the beginning of the 40-s of the XIX century

In the article V. G. Belinsky-realist's ideas about development of the personality, allowing to interpret a type of culture of the Westerners of the 40-s years of the XIX century are analyzed. In 1840–1841 Belinsky rethought his romantic outlook, having worked out new criteria to assess relationship of the individual with the society. In letters to friends Belinsky was pondering over various questions of public life, social and moral problems. Belinsky was revealed in the letters as a personality and a thinker. The range of problems of the personality was the main one in Belinsky's ideological search. Reconsideration by the critic of vital reference points of the person was connected with his new point of view of reality. He protected the personality as the supreme value. In the article elements of the model of friendship, developed by realists of the 40-s years, are reconstructed. Is given a characterisation of "starry-eyed idealism" (admiration of friends' high qualities, interests in sublime ideals) as specificity of the interpersonal relations which have developed in the circle of Stankievich. It is noted that Belinsky's war against "starry-eyed idealism" was his fight for sincerity, freedom and goodwill in human relations. Dialectics of Belinsky's thought about "ideal" and "reality" is revealed. It is proved that understanding of reality as certain reality allowed Belinsky to solve a problem of self-realization of the personality in the context of vital circumstances and culture of the given society. The attention is focused on Belinsky's idea about the importance of the civil activity in interests of the private person. In the article the analysis of discourse of Belinsky-realist is given, the sense of concepts used by him in the context of ideas is revealed.

Keywords: Russia, history, intellectuals, V. G. Belinsky, Westerners, personality, "idealists" of the 30-s years of the XIX century.

Тип интеллектуальной культуры «московских романтиков» тридцатых и реалистов 40-х гг. XIX в. можно интерпретировать на основе текстов В. Г. Белинского, усвоившего основные идеи, обсуждаемые в кругу близких к нему интеллектуалов, разрабатывавшего в 40-е гг. социальные проблемы, осмыслявшего развитие рус-

ского общества, участвовавшего в формировании нового воззрения на развитие личности. Обладавший ясным умом, отличавшийся четкой логикой мысли, талантом ее презентации, Белинский в своих текстах размышлял над проблемами русской литературы и общества в аспекте усвоенных им философских, этических, исторических, со-

циальных, эстетических идей, концептуализируя социокультурные российские реалии. Вслед за русскими писателями Белинский осваивал проблематику личности, занимавшую центральное место в его мировоззренческой системе и в тридцатые, и в 40-е гг. Он актуализировал ее в контексте идей немецких философов. Творчество Белинского ярко проявилось в теоретическом осмыслении российской действительности на основе идей европейских и русских мыслителей, писателей, в выработке нового воззрения на социальное и культурное развитие общества и личности, имевшее усвоенные, интерпретированные и оригинальные компоненты. Тексты Белинского – одна из самых значительных составляющих идейного наследия «московских романтиков» 30-х гг. и западников 40-х гг.

Письма – сложный источник, позволяющий изучать ментальное пространство личности. Они представляют собой тексты, максимально отражавшие влияние обстоятельств повседневной жизни на восприятие актором социальных проблем, нравственных коллизий, политической практики. Прочтение писем позволяет определить эмоционально-психологическое состояние их автора, воздействовавшего на оценки рассматриваемых ситуаций, событий, лиц, культурных явлений, интерпретацию идей. Письма к друзьям для В. Г. Белинского были важнейшей сферой его духовной жизни, формой саморефлексии, возможностью обсудить с близкими людьми все значимые проблемы. По мнению Л. Я. Гинзбург, «письма Белинского являются первостепенной ценности материалом для построения его биографии, для изучения его идей в их сложной периодизации» [3, с. 67]. «Вся жизнь моя в письмах», – писал Белинский Николаю Александровичу Бакунину 8 апреля 1841 г. [1, с. 462]. Белинский называл свои письма «диссертациями», имея в виду не только их объем, но и содержание. Они становились важной формой его интеллектуальной деятельности. Письма Белинского имеют высокую ценность для изучения его ментального пространства.

В современной историографии изучается предметность идейной жизни московских романтиков и западников 40-х гг. Выйдя за рамки сложившейся в отечественной историографии традиции, В. Шукин отказался от оценки интеллектуальной деятельности в кружке Станкевича как отдельного течения в русской общественной мысли, он вписывает ее в историю русского классического западничества. Исследователь

рассматривает круг Станкевича как колыбель западничества [7, с. 87]. Б. Ф. Егоров назвал Н. В. Станкевича «главным предтечей русского либерализма сороковых годов» [5, с. 486].

Душевный опыт, приобретенный в 30-е гг. друзьями Станкевича, к числу которых относился и Белинский, стал нравственно-психологической основой их деятельности в 40-е гг., мотивированной стремлением содействовать формированию «нового человека». В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, В. П. Боткин, Т. Н. Грановский, И. С. Тургенев признавали огромное влияние Станкевича на становление их личности. Станкевич стал им другом-учителем, научившим работе души. В станкевичевом кругу были выработаны высокие духовные ценности – достоинства личности, святости души, семьи, дружбы, любви. Самоанализ, исследование социальных типов личности были значимыми целями умственной работы «московских философов» в последующие годы их жизни [3, с. 67]. Свою автоконцепцию каждый из друзей в 40-е гг. создавал уже не как идеал, а как совокупность представлений о ценностях, индивидуальных дарованиях, целях деятельности. Духовное воспитание в кругу Станкевича Белинский в 1840 г. характеризовал как «наше самоотвержение, жар души, любовь ко всему высокому, прекрасному, истинному» [1, с. 399]. Сняв философские очки, друзья, сознавая себя в реальной жизни, по-прежнему исповедовали высокие ценности.

В письмах к друзьям рефлексия на тему межличностных отношений побуждала Белинского защищать достоинство и права близких ему людей и свою честь. По мнению самого Белинского, он не мог мыслить исключительно отвлеченными категориями, отрешаться от реалий своего времени, жить в мире абстрактных идей. Явления действительности, искусство, жизнь помогали ему сознать ценность личности. Он писал об этом Боткину в феврале 1840 г.: «Ты пишешь, что у меня такая же способность отвлечения, как у Мишеля: так да не так, я резонер и рефлексивщик, правда – но зато, как скоро представляли перед меня дивные явления действительности, в искусстве и жизни, я посылал к черту свою рефлексию и никогда не менял человека на книгу» [1, с. 329]. В межличностных отношениях Белинский ценил достоинство свое и друзей. Осознание своего «Я», смысла своей жизни, своего назначения было главной темой рефлексии Белинского и других членов круга Станкевича. Проблематика личности была главной в их идей-

ных поисках. Размышляя о конкретных обстоятельствах жизни и своих интересах, предпочтениях, они ценили личностные качества человека.

В начале 40-х гг. друзья Станкевича, преодолевая романтическое миропонимание, пришли к мысли о важности *самореализации человека в реальном мире*. Не уход от внешнего мира, а его познание и максимальное раскрытие своих способностей, – так формулировали свое новое понимание взаимодействия развитой личности с обществом западники в это десятилетие. Переосмысление своего социокультурного положения в обществе тяжело давалось всем романтикам станкевичева круга. Белинский, размышлявший о причинах распада кружка, связывал его с изменением стиля межличностных отношений друзей, ставших более независимыми, с их социальным и интеллектуальным взрослением.

Изменение своих отношений с социумом в 40-е гг. В. П. Боткин, друг Н. В. Станкевича, В. Г. Белинского, Т. Н. Грановского, определил как желание надыхаться свежим воздухом после длительного пребывания в душном подземелье [2, с. 251]. Реалистический взгляд на общественные отношения был выработан западниками на основе гуманистической системы ценностей, сложившейся в юности. Боткин писал, что дорожил всем, что любил с юности: «Засохнувшая душа подает признаки жизни и с любовью... смотрит на все, чем прежде дорожила...» [1, с. 251]. Свое новое воззрение Боткин считал более доступным всему человеческому. Западники, освободившись от «прекраснодушия», авторитетов, модели социокультурного поведения, выработанного в кружке (исповедование своей души близким друзьям, постоянная саморефлексия), в 40-е гг. сознавали себя самодостаточными людьми, обладавшими правом на творчество, индивидуальность. Белинский писал Бакунину в 1840 г., что для него неприемлем контроль над его внутренним миром: «...всякий хочет жить своим умом и требует любви, сочувствия и сострадания, а не советов. Я отказался от права учить других» [1, с. 389]. Друзья осознали, что слияние душ невозможно. Основанием дружбы Белинский и Боткин считали любовь, добро, «стремление к одному и тому же превысшенному небу, но отнюдь не по одной и той же дороге или тропинке» [1, с. 409]. Прежнее требование Бакунина смотреть на мир его глазами было отвергнуто Белинским. Иронизируя, Белинский подчеркивал чрезмерность диктата Бакунина над друзьями: «Мишель... требовал еще от уважаемых его

дружбы одинакового взгляда даже на погоду и одинакового вкуса даже в гречневой каше...» [1, с. 402].

В начале 40-х гг. В. Г. Белинский пересмотрел *стиль взаимоотношений в кругу друзей* и прежнюю ориентацию деятельности обязательно на подвиг. В феврале 1840 г. он писал из Петербурга Боткину, что отрекся от героизации своего идеала личности, назвав свое философское представление о смысле жизни «*ходулями*», которые понимал как нереальные ориентиры, возвышенные образы: «К черту героизм и ходули» [1, с. 329]. Для Белинского с 1840 г. самооценка человека и его представления о своем назначении должны быть реальными, конкретными, жизненными, а не идеально возвышенными, недостижимыми. Даже поэт и герой в беседе с ним должны «сбросить с себя поэзию и героизм и прежде всего быть *человеком*» [1, с. 329]. Утверждая, что *человек* – «святое и великое титуло», Белинский защищал личность как высшую ценность. Пересматривая свои представления о личности, Белинский в 40-е гг. признал, что человек может и не руководствоваться чувством долга, как считали в кружке Станкевича, он имеет право испытывать *блаженство* и видеть в этом одну из целей своего существования [1, с. 390]. Отношения между друзьями основывались на любви и желании добра. Определяя свое понимание роли Боткина в его жизни, Белинский писал другу, что его письма возбудили в нем «безграничность ... участия к нему, всю бесконечность ... любви к нему» [1, с. 406].

В. Г. Белинский и в 40-е гг. исключительно высоко ценил *дружбу*. Для него она означала взаимопонимание, кровную связь с духовно близкими людьми, мир добра и любви. В дружбе он находил сочувствие, наслаждение быть понятым. Белинский был благодарен Василию Петровичу Боткину за теплое, живое участие в его судьбе. Переписка с Боткиным была для него потребностью говорить с другом [1, с. 347]. Он писал ему 24 февраля 1840 г.: «Большого от дружбы невозможно требовать: она мне дала все, чего так давно алкала жадная сочувствия душа моя и чем так давно наслаждалась она, сама того не зная!» [1, с. 327]. 26 февраля того же года Белинский признавался Бакунину, что он «полон письмами Боткина, живыми, любовными, елейными...» [1, с. 339]. Четвертого октября 1840 г. Белинский снова писал, что душевные страдания Боткина для него драгоценнее, ближе и родственнее, чем его собственные. Обмен мыслями, возможность

объяснить другу свои переживания, раскрыть свой внутренний мир, надежда на понимание – область душевной жизни, значимая для Белинского и Боткина. Белинский, приглашая Боткина в Питер, писал, о чем и в какой нравственной атмосфере они будут беседовать, искать истину жизни: «...у нас не будет пустых споров из ничего, а будет живое понимание, живая симпатия и живая любовь друг к другу. Увидимся, потолкуем и поспорим, а на письме, я вижу, ничего не растолкуешь другому, чего от него требуешь или что ему говоришь» [1, с. 405].

Представления о дружбе реалистов 40-х гг. отличались от воззрения идеалистов 30-х гг. Реалисты признавали право на самостоятельный идейный поиск за каждым из друзей, не требовалось «слияния» душ, полного согласия воззрений, как раньше. Нельзя требовать от духовно близкого тебе человека одинакового взгляда на жизненные явления [1, с. 402]. «Идею нельзя навязать другому», – писал Белинский Боткину 4 октября 1840 г. Человек имеет право на собственное созерцание жизни [1, с. 405]. Друзья должны признавать право на самосознание, независимость внутренней жизни, считал Белинский. Он заявил Бакунину: «У всякого есть свои священные права, и без взаимных уступок нельзя ладить людям друг с другом» [1, с. 356].

Модель дружбы реалистов 40-х гг. сохранила идею участия в духовной жизни близких людей. Белинский писал Боткину, что, не употребляя слово дружба, они «будут входить в интересы друг друга и участием облегчать взаимные страдания» [1, с. 305]. Когда у Боткина были сложные личные обстоятельства, Белинский утешал его словами поддержки: «Не теряй духа, ты не без друзей – у меня для тебя открытое любящее сердце и слезы... Боткин, если тебе будет тяжело невыносимо и нужна будет душа, которая на время отреклась бы от всех своих интересов и жила бы только тобою и для тебя, – одно слово, и я с тобою, несмотря ни на какие препятствия» [1, с. 355]. Потребность в искреннем разговоре на все интересующие темы была столь сильна у Белинского, что он ждал писем и встреч, просил друзей навестить его в Питере. Из письма к Боткину: «Ты сбирайся в Питер, о лысый! Боже мой, от одной мысли об этом свидании выступают у меня слезы на глазах. Неделя, проведенная с тобою, была бы вознаграждением за восемь месяцев тяжелого страдания. Сколько бы надо было сказать друг другу, как бы каждое слово было полно души и значения, каждый разговор жив, спор интересен!» [1, с.

382]. Общность духовного развития позволяла им хорошо понимать друг друга. Белинский писал Боткину: «За 700 верст мы понимаем друг друга, как за два шага, и потому не претендуем на молчание» [1, с. 465].

Друг может участвовать в судьбе близкого человека, но не диктовать ему свою волю, не навязывать свои стереотипы, пояснял Белинский Бакунину свои представления об их отношениях, критикуя его авторитаризм: «...дело дружбы – участие в *своем* каждого...» [1, с. 356]. Отношения между друзьями должны быть искренними и прямыми, считал Белинский [1, с. 359]. Деликатность «должна строго соблюдаться даже между самыми искренними друзьями», считал Белинский [1, с. 433]. Он был благодарен Станкевичу за создание дружеского круга и атмосферы любви и добра в нем. Размышляя об участии Боткина в его судьбе и значимости дружбы, Белинский писал Бакунину в феврале 1840 г.: «Скажи мне, есть ли мне причина жалеть о прежнем кружке, где я столько имел, не зная, что столько имею? А теперь я знаю, что не одинок я в мире, что есть у меня с жизнью живая, кровная связь – есть пламенное, высокое и благородное сердце, где я всегда безвыходный гость, куда я всегда смело могу постучаться, чтобы получить утешение в страдании, сложить тяжелое бремя мук жизни и снова полюбить жизнь» [1, с. 347]. Дружбу с Боткиным Белинский назвал «святым и человеческим союзом»: «Пусть любовь к истине борется в нас любовью к личности один другого, и да не побеждают совершенно ни та, ни другая сторона, и да будет благословен святой и человеческий союз наш! Ты у меня один – верь, что и я у тебя один...» [1, с. 447]. Узнав о смерти Станкевича, который был связующим звеном между друзьями, Белинский испытал «чувство общей великой утраты, общего сиротства» [1, с. 395].

Обращение к действительности позволило друзьям Станкевича победить фантазию на тему идеального духовного развития. В 40-е гг. они, сплотившиеся в кругу Грановского, названного позднее «западниками», создали *образ развитой личности*, стремящейся понять действительность и жить в реальном, а не вымышленном мире, раскрыть свои способности и содействовать гражданскому воспитанию человека. В 1840-е гг. западники решали социальные и духовные проблемы, руководствуясь представлениями не о возвышенном, идеальном образе, а о возможностях реального изменения общественных отношений. *Проблема соотношения идеала и воз-*

возможностей действительности стала для западников одной из основных в их творчестве. Стремление дать реалистическое решение проблем развития личности и общества, безусловно, было значимым элементом их учения.

Идейный поиск в кружке Станкевича в 30-е гг. Белинский назвал «игрой в понятия». В 40-е гг. он хотел «говорить о жизни», а не заниматься изучением философии [1, с. 390–391]. Отказ Белинского дальше изучать немецкую философию и осмысливать действительность в ее контексте Иванов-Разумник назвал «бунтом против Гегеля». Историк уточнил: это был разрыв с гегельянством в русском его понимании [6, с. 333]. В 1840 г. Белинский воспринимал философию как «сухое резонерство», мешающее осознанию жизни. Он заявил в письме Боткину, что философия ему чужда и ненавистна. Со всей своей душевной энергией Белинский отрекся от прежнего увлечения философией как наукой, открывающей истину [1, с. 339]. Но познание истины для Белинского было по-прежнему необходимо.

В. Г. Белинский сам отчетливо сознавал *изменение проблематики и основ своей мысли* в начале 40-х гг. Он нередко писал друзьям в Москву из Петербурга об ином восприятии действительности, общества, личности. «Ах, Боткин, чувствую, что при свидании мы подеремся: письма мои не могут дать тебе и слабого намека на то, как ужасно переменялся я» [1, с. 434].

В 40-е гг. Белинский, решивший, что осмысление мира сквозь призму философских понятий мешает пониманию реальности бытия, и потому называвший свои ранние размышления «бессильной рефлексией», воспринимал *действительность* как «полноту жизни». Он ассоциировал действительность с храмом. Не надо останавливаться на его пороге. Следует войти в храм жизни и понять различные проявления действительности: «Только хорошо рассуждаем о жизни, стоя у порога ее храма, и боимся заглянуть за его таинственный занавес». «Надо научиться смотреть жизни прямо в глаза», – писал Белинский в 1840 г. М. А. Языкову, развивая мысль о необходимости познания реалий своего времени [1, с. 372].

В. Г. Белинский в 1840 г. отверг свои возвышенные представления о смысле жизни в 30-е гг., назвав их «идеальностью». Он исповедовал с этого времени идею «полезности в обществе» [1, с. 341]. Характеризуя идеи об идеальной личности, выработанные в кругу Станкевича, «прекраснодушием», критик в начале 40-х гг. признавал «прекраснодушие» отдельных людей, чистых

сердцем, душой и помыслами. В понятие *прекраснодушие* Белинский включал также стремление друзей раскрывать друг другу свою душу. Он писал Боткину в 1840 г.: «Хотел, скрепя сердце и сжавши зубы, промолчать, но прекраснодушие преодолело – и я хочу все высказать тебе» [1, с. 351]. Сознвая, что в их прежних отношениях было много *прекраснодушия – изъятия чувств, восхищения высокими качествами своих друзей*, Белинский, искренне любивший и видевший ценные им действительные благородные черты личности, был счастлив ощущать любовь близкого человека и делиться с ним откровенно о самом важном и душевном. Почти все письма к Боткину, наиболее ему духовно родному, он начинал словами благодарности за добрые послания. Из письма Белинского к Боткину: «Ах, Боткин, мой лысый Боткин! Сколько блаженных минут доставили мне твои, полные любви, полные тобою письма! Смешны и глупы прекраснодушные излияния, но не могу удержаться, чтобы не сказать тебе, что твоя дружба – для меня незаслуженный дар неба – я не стою ни ее, ни тебя» [1, с. 337].

В. Г. Белинский воевал против *идеи «прекраснодушия»*, содержание которой в 40-е гг. определял как *призрачность образов, представлений, «наклепывание» глубоких чувств и высоких мыслей, фантазии на тему жизни в мире истины и любви, незнание реальной жизни и презрение к материальным интересам, благородные мечты и ложные чувства* [1, с. 388]. От «прекраснодушия», как существования в мире мечты о возвышенном, следует излечиться [1, с. 373]. Белинский сохранил способность видеть в людях прекрасные душевные качества. Так, он признавал прекраснодушие Николая Александровича Бакунина, называя его натуру здоровой, глубокой, могучей, нормальной. А свое прежнее прекраснодушие он характеризовал в 1840 г. как самолюбивое и ходульное [1, с. 342]. *Истинную идеальность* Белинский в 1840 г. видел в «осуществлении в действительности» [1, с. 344], когда дела и поступки соответствовали провозглашаемому идеальным нормам. «...Не перестану смеяться и ругаться над ходульной идеальностью, которой противоречат дела и поступки» [1, с. 371]. В реальной жизни достойные люди, душа которых открыта любви, состраданию, добру, сочувствию, должны руководствоваться своими нравственными принципами [1, с. 344]. Если в начале 1840 г. Белинский отверг «москвудушие», «прекраснодушие», то позднее примирился с ними, вкладыва-

вая в эти понятия другой смысл: веру в возможность в реальной жизни быть благородным, честным, любящим человеком. Духовная жизнь человека должна характеризоваться не только словами, а поступками, действиями, «действительностью»: «...действительность должна быть мерою цены явлений духовного мира, как золото – вещей материальных... Иначе – что же жизнь, если не сон и не мечта?» [1, с. 436].

Диалектичность мысли Белинского-реалиста проявилась в его понимании *идеала и действительности*. Он не отвергал идеальный мир как сферу мечты и право человека жить фантазиями о прекрасном. Личность, усвоив представления об идеале, должна перенести их, по возможности, в свою земную жизнь. Этот совет Белинский дал Боткину в октябре 1840 г.: «...принуди себя всею силою воли оторваться *на время* от идеального мира и войти, сколько возможно, в интересы мира положительного и практического. Ты ничего не утратишь, но много приобретешь: возвратившись снова в свой идеальный мир, ты увидишь, что внес в него новый элемент, отчего он и стал действительнее, а следовательно, и прекраснее» [1, с. 408]. Не видя для себя возможности быть счастливым в реальной жизни, Белинский оставлял за собой право мечтать, фантазировать, и в этом идеальном, вымышленном мире он испытывал наслаждение: «А в жизни только и есть хорошего, что мечта...» [1, с. 409]. Но мечта – грезы, сон, нужно проснуться и жить в реальном мире, «смотреть на вещи просто и прямо, не обманывая себя». Проснуться «от мечты для действительности – выигрыш, но что проснуться от приятного сна для горькой действительности, от полноты счастья, хотя и детского, для пустоты и безверия в жизнь – обмен грустный, которому нечего радоваться!» [1, с. 438].

В. Г. Белинский в 40-е гг. ценил в людях *понимание действительности*. В Пушкине он отмечал глубокое чувство *конкретной действительности* [1, с. 343]. По мысли критика, Пушкин в частной жизни раскрыл свое «бесконечное мирозерцание», создал «явленные образы», «которые одни есть абсолютная действительность» [1, с. 334]. Белинский абсолютную действительность воспринимал как конкретную реальность.

Российскую действительность Белинский оценивал как неразумную, пошлую, гнусную. Она оскорбляет «священные права индивидуального человека» [1, с. 345]. Зло во внешнем мире. Прекраснодушные, честные, порядочные люди долж-

ны облагородить эту действительность «в границах круга своей деятельности и своего влияния», так решал критик проблему «личность – действительность» в начале 40-х гг. [1, с. 343]. «Родная действительность ужасна. (...) Страшная и гадкая действительность!», писал Белинский Боткину в феврале 1840 г. [1, с. 325]. Необходимо понимание действительности. Важна разумная деятельность развитой личности в интересах общества, считал он. Сферу своей деятельности Белинский видел в литературе, журналистике, а свою задачу он определял как познание действительности, надо «идти навстречу» ей, сохраняя благородное негодование, горячую любовь к истине и благу [1, с. 344]. К началу 40-х гг. Белинский понял свое призвание, решительно отвергая те области интеллектуального труда, в которых не сознавал себя профессионалом. «Я не рожден для науки, ни даже для того тихого кабинетного занятия любимыми предметами, которое так сродно твоей натуре», – писал Белинский Боткину [1, с. 435].

Понятие действительности приобрело в дискурсе Белинского значение конкретных обстоятельств своей жизни, жизни друзей, знакомых, реальных событий, общественных явлений, фактов правительственной политики. Если в период «идеализма» он «мог жить в себе», то, встав на позиции реализма, Белинский вышел «из себя» в «новый мир страдания». Осознав ограниченность свободы слова, критик почувствовал себя мертвецом, да еще и со связанными сзади руками: «...я – живой мертвец, или человек, умирающий каждую секунду своей жизни. Я теперь совершенно сознал себя, понял свою натуру: то и другое может быть вполне выражено словом *Tat*, которое есть моя стихия. А сознать это значит сознать себя заживо закрытым в гробу, да еще со связанными назади руками» [1, с. 435]. В письмах друзьям Белинский писал о своей горькой действительности: его душа обливается кровавыми слезами, она избивается внутренними и внешними бедами, замучили нужда, нездоровье [1, с. 456, 458].

Из *идей о личности*, выработанных в кругу Станкевича, Белинский в 40-е гг. продолжал развивать мысль об индивиде, обязанном осознать свое право и ответственность за свою самореализацию в жизни. Он писал Бакунину на эту тему: «...человек не машина – рычаг его движения в нем, а не вне: пусть себе всякий идет своим путем...» [1, с. 345]. «...Всякий может думать и делать по-своему» [1, с. 349]. Но, в отличие от прежнего воззрения 30-х гг., Белинский призна-

вал значимость не только духовных, но и материальных запросов. Он понимал, что деньги – не самоцель, а условие достойного существования. «Идеальность», понимаемая как стремление к прекрасному, не должна исключать «материальную сторону жизни» [1, с. 345].

Идея общества стала важной составляющей мировоззренческой системы Белинского 40-х гг. Актуализация этой идеи в ментальности Белинского произошла под влиянием его работы с 1839 г. в журнале «Отечественные записки»: «...журнал поставил меня лицом к лицу с обществом...» [1, с. 381]. Критик обратил внимание на ценности и интересы различных социальных кругов. Его поразила в людях жажда власти, денег, удовольствий. Он писал из Петербурга Боткину об обществе: «Меня убило это зрелище общества, в котором действуют и играют роли подлецы и дюжинные посредственности, а все благородное и даровитое лежит в позорном бездействии на необитаемом острове» [1, с. 381]. Белинский в начале 40-х гг. пришел к мысли о необходимости «строжайшего пересмотра и коренной ломки» всех оснований общества, «что и будет рано или поздно» [1, с. 434].

Признавая *российскую действительность гнусной, пошлой*, Белинский считал необходимым воздействовать на нее. Нужна деятельность в интересах формирования нравственной культуры социума. По-прежнему не воспринимая французские политические идеи, в 1840 г. Белинский все больше интересовался социальными проблемами: развитием личности и общества. Из письма Боткину от 14 марта 1840 г.: «...идея общества охватила меня крепче, – и пока в душе остается хоть искорка, а в руках держится перо, – я действую. Мочи нет, куда не взглянешь – душа возмущается, чувства оскорбляются» [1, с. 351]. Если в 30-е гг. друзья Станкевича чувствовали потребность в кружке как «убежище» [1, с. 351] от внешнего мира, то широта социальных интересов в 40-е гг. рождала стремление Белинского иметь трибуну для проповеди идей добра, благородства, человечности, цивилизации, достоинства личности. Друзья необходимы. Есть потребность в сочувствии, понимании, в возможности «прилепить голову» [1, с. 352]. Нужен выход из замкнутого круга друзей, устремленных к высоким идеалам и плохо понимавших конкретную жизнь: «Вот уже наш кружок и рассыпался и еще более рассыплется... Нет к черту все высшие стремления и цели!» [1, с. 351–352]. *Деятельность с целью «очеловечения человека»* – долг

личности, осознавшей *необходимость цивилизовать общественные отношения*, считал Белинский. Свою литературную деятельность он воспринимал как *служение обществу* в интересах гуманизации социальных отношений. «Мы живем в страшное время, судьба налагает на нас схему, мы должны страдать, чтобы нашим внукам было легче жить. Делай всякий не что хочет и что бы должно, а что можно. (...) Умру на журнале и в гроб велю положить книжку “Отечественных записок”. Я литератор – говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской моя жизнь и моя кровь» [1, с. 352]. Не будучи счастливым в личной жизни, Белинский в 1840 г. считал, что «сфера литературной деятельности» – единственно возможная реальная область его самореализации [1, с. 359]. Таким образом, *осмысление российской действительности* в ментальности Белинского было связано с *проблемой деятельности личности*.

Интерес к конкретному человеку побуждал Белинского обращать внимание на многие обстоятельства его жизни, учил терпению, пониманию, прощению. Сознывая свою способность понимать другого, он писал Боткину 16 апреля 1840 г.: «...становлюсь как-то терпимее к слабости, ничтожеству и ограниченности людей. Нет сил сердиться на человека, который ради денег ковыляет по проселочным дорогам жизни. Часто сержусь на себя, сознавая свою неспособность хоть что-нибудь делать для денег» [1, с. 370].

В. Г. Белинский развивал *идею личности* не в философском ракурсе, а в социальном, видя противоречия между целью свободного развития индивида и социально-политическими условиями его жизни, препятствующими свободной деятельности. Он писал Боткину: «...меня теперь всего поглотила идея достоинства человеческой личности и ее горькой участи – ужасное противоречие!» [1, с. 405]. В «пошлой действительности» трудно быть счастливым. Для Белинского примирение с пошлой действительностью было невозможно: «Я не сойду, не примирюсь с пошлой действительностью, но счастья жду от одних фантазий и только в них бываю счастлив. Действительность – это палач» [1, с. 405]. Мысль об индивидуальности каждого человека развивал еще Станкевич. Белинский рассматривал индивидуальность и как «истину», и как право быть оригинальным. Но человек, как и народ, «ознакамываясь с другими индивидуальностями», выходит «из своей индивидуальной ограничен-

ности», вбирая черты культуры «другого» [1, с. 383]. Взаимодействие личностей и народов стирает индивидуальные черты, формируя общее культурное поле, – так можно интерпретировать эту мысль Белинского.

Ракурс взгляда В. Г. Белинского-реалиста на личность не имел своим ориентиром идеальную модель, он заключал в себе *критерий «человеческой природы»*. Мотивация поведения человека определяется не столько событиями, сколько чертами личности, полагал критик. «Для меня человеческая природа есть оправдание всего. Событие – вздор, черт с ним, плевать на него; важна личность человека, надо дорожить ею выше всего. (...) Все люди – люди, а их ли вина, что они – люди? (...) Худо и стыдно становиться на ходули, а за все остальное пусть отвечает человеческая натура», – писал Белинский Боткину в октябре 1840 г. [1, с. 409–410]. По Белинскому, в реальной личности следует ценить «глубокое гуманическое начало, доступность всему высокому и прекрасному, здоровую натуру, благородный характер» [1, с. 415].

Тема личности осмыслялась Белинским в рамках проблемы «объективное – субъективное». Объективный мир стремится подчинить себе субъекта – человека. *Интересы личности* Белинский считал *приоритетными*: «...судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира и здоровья китайского императора (то есть гегелевской *Allgemeinheit*). Мне говорят: развивай все сокровища своего духа для свободного самонаслаждения духом, плачь, дабы утешиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись к совершенству, лезь на верхнюю ступень лестницы развития, – а споткнешься – падай – черт с тобою – таковой и был сукин сын... Благодарю покорно, Егор Федорыч, – кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением честь имею донести вам, что если бы мне и удалось влезть на самую верхнюю ступень лестницы развития, – я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции, Филиппа II и пр. и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови, – костей от костей моих и плоти от плоти моей. Говорят, что дисгармония есть условие гармонии; может быть это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выра-

зить своею участью идею дисгармонии» [1, с. 443]. Эти знаменитые слова Белинского из письма Боткину от 1 марта 1841 г. – развитие его мысли о значимости ценности жизни каждого человека, не могущего быть средством некоего общего, а являющегося целью в самом себе. Полагаем, что эта идея Белинского повлияла на осмысление Герценом сущности прогресса, смысла жизни человека в самой этой жизни. Белинский и Герцен отрицали право «Общего» в своих интересах использовать личность.

Проблематика «Общего» и «личности» в текстах Белинского включает вопрос об их взаимовлиянии или отрицании. По мнению критика, «Общее» стремится подчинить себе человека, препятствует его свободной самореализации. Покорность судьбе, жизнь в границах, установленных «Общим», Белинский воспринимал как «отречение себя для общего». Самоотрицание личности в угоду некоему «Общему» было для него неприемлемо. Утверждая личность как высшую ценность, Белинский писал Боткину: «...я ненавижу общее, как надувателя и палача бедной человеческой личности» [1, с. 453]. Тема личности развивалась Белинским и в контексте жизни человека. Человек должен защищать свое право на жизнь, не придавая «слишком важного значения» обстоятельствам, воспринимая ее вызовы. Жизнь не надо превращать в тяжелую работу, хотя и не всегда должно жить, как живется» [1, с. 454]. Человек имеет право и на наслаждение, и на любовь, и на дружбу, и на деятельность, и на свободу творчества. Белинский признавал справедливой мысль о том, что человеку не должно быть чуждо все человеческое.

Видя одно из условий и целей развития *общества и личности* в «разумном сознании», Белинский с 40-х гг. проповедовал мысль о необходимости высокообразованным людям содействовать духовному воспитанию людей. Определяя сферу деятельности интеллектуалов в интересах «очеловечения» общества, Белинский назвал *журналистику и преподавание в университетах* полем применения культурными людьми своих духовных сил. Литература является главным учителем публики. Из печатных изданий ее более привлекают журналы, знакомившие читателей со всеми новинками художественных произведений, причем журналы стоили дешевле, чем отдельные книжные тома. Белинский верил, что и журналы, и кафедра смогут дать «гуманическое образование»: «Журнал поглотил теперь у нас всю литературу – публика не хочет книг – хочет журналов – и

в журналах печатаются целиком драмы и романы, а книжки журналов – каждая в пуд весом. Теперь у нас великую пользу может приносить, для настоящего и еще больше для будущего, кафедра, но журнал большую, ибо (для) нашего общества, прежде науки, нужна человечность, гуманическое образование» [1, с. 411].

Необходимость гражданской деятельности в интересах самореализации и формирования гуманистической культуры общества – мысль, развиваемая Белинским, Боткиным, Герценом, Грановским и другими представителями круга западников 40-х гг. Боткин писал Белинскому: «Я (...) чувствую в себе охоту к деятельности...» [1, с. 415]. Белинский, по его словам, жертвовал свою «самую горячую кровь» людям, чтобы преобразовать действительность, внести в нее «идеал жизни». «Каков бы я ни был, но я борюсь с действительностью, вношу в нее мой идеал жизни, самая свежая, самая горячая кровь моя пожертвована мною (...) общему, для себя я ничего не делал и не сделал», писал Белинский о социальной ориентации своей публицистической и литературно-критической деятельности [1, с. 418]. Цель своей жизни он видел в борьбе с действительностью за права личности: «Борьба с действительностью снова охватывает меня и поглощает все существование» [1, с. 419].

Социальные интересы многих людей, особенно чиновников, их жизненные ценности и ориентиры расходились с ментальностью Белинского. Он характеризовал мещанское общество «китайским царством материальной животной жизни». Общество создало свои фетиши из чинов, денег, орденов, обеспечивавших входение в высшие круги избранных людей. По мнению Белинского, в кругу высокопоставленных лиц, мире чиновников человека ценили не за ум, благородство, честность и порядочность, а за социальный статус, материальное состояние. Российскую действительность Белинский назвал царством «чинолюбия, крестолубия, деньголюбия, взяточничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов, торжества бесстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности, – где все человеческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетение, страдание, где цензура превратилась в военный устав о беглых рекрутах, где свобода мысли истреблена...» [1, с. 421]. От пошлой действительности нельзя укрыться в своем замкнутом частном мире – это плохое убежище, считал Белинский.

Сфера борьбы за личность – общество, утверждал Белинский. Надо не заслониться от социума, а действовать в интересах личности, осмысляя действительность, развивая идеи человечности, такова была социальная позиция критика. Белинский писал Боткину, что противостояние нравам общества требует душевных сил: «...нет в мире места гнуснее Питера, нет поганее питерской действительности, но я от нее не потерял, а приобрел – я глубже чувствую, больше понимаю, во мне стало больше внутреннего и духовного. Если бы не журнал, я бы с ума сошел. Если бы гнусная действительность не высасывала из меня капля по капле крови, – я бы помешался. Оторваться от общества и затвориться в себе – плохое убежище» [1, с. 408].

В. Г. Белинский-реалист верил в разум, в возможность познания истины, проповедовал свободу, любовь к личности, считал необходимым отрицание изживших себя форм и их содержания [1, с. 447].

Борьба – важнейший элемент дискурса Белинского о российской действительности. В ментальности Белинского, борьба – это, прежде всего, *бичевание и отрицание* пошлости, невежества, «добровольного холопства», чиновников, развратников, а во-вторых, утверждение благородных ценностей и идеалов. Борьба требует верности своим убеждениям. Он писал Боткину: «...с пошлою действительностью я все более и более расхожусь, в душе чувствую больше жару и энергии, больше готовности умереть и пострадать за свои убеждения» [1, с. 420, 421]. *Отрицание* – одно из условий развития, без которого «история человечества превратилась бы в стоячее и вонючее болото» [1, с. 421]. Не созерцание действительности, а деятельность, нравственным основанием которой является любовь к человеку, желание ему блага, таково понимание Белинским работы в интересах индивида и общества. «Что ж делать при виде этой ужасной действительности? Не любоваться же на нее, сложа руки, а действовать елико возможно, чтобы другие потом лучше могли жить, если нам никак нельзя было жить» [1, с. 425]. Есть «два средства» влияния на духовный мир людей: «кафедра и журнал – все остальное вздор» [1, с. 425].

Фактически Белинский разрабатывал *проблему задач и сферы деятельности российской интеллигенции*. В 40-е гг. западники, определяя свое назначение, пришли к мысли о значимости для них гражданской деятельности. Интересы *«русских европейцев»*, как называли себя западники, не

ограничивались самообразованием, они считали, что жизнь должна быть «посвящена добру частному и общему» [4, с. 408]. У них была развитая *потребность в деятельности*. «Говорят, что в России не для всякого возможна деятельность. Это оправдание людей, которые не хотят ничего делать...» [4, с. 420]. Потребность в реализации своих дарований сознавалась ими как долг перед друзьями, обществом. Т. Н. Грановский писал, что чувство долга побуждало его много работать. «Труд великое и святое дело...» «Каждый из нас обещал многое в будущем. Теперь прошла пора обещаний, пора выполнять их» [4, с. 421]. Развитое меньшинство сознавало себя призванным понять проблемы развития общества, путь к разрешению противоречий между личностью и государством. По утверждению Герцена, его друзьям было присуще мужество признавать с глубокой душевной болью рабское положение народа, стойкость в отстаивании своих независимых убеждений, готовность вынести гонения. Великая сила любви к людям, России звала их к деятельности, целью которой было пробуждение в человеке чувства собственного достоинства и свободы. Белинский жаждал свободы действовать для общества хоть на десять лет, чтобы реализовать свое призвание [1, с. 466–467].

Эмансипация общества от предрассудков и норм, препятствующих свободному развитию личности и утверждению гуманизма – задача духовной элиты, способствующей своим нравственным влиянием на людей утверждению идеи «очеловечению человека», так можно интерпретировать социально-этические цели деятельности Белинского-реалиста. В адвокаты человечества, личности Белинский выбрал благородного Шиллера [1, с. 403]. Шиллер стал «богом» и «кумиром» Белинского в начале 40-х гг., потому что поэт являл собой «высший и благороднейший... идеал человека». В начале 40-х гг. Белинский разделял взгляды немецкого поэта на развитие личности. Критик писал, что он во всем является последователем Шиллера – «кость от костей его, плоть от плоти его» [1, с. 429]. Идеи человечности, гуманности примирили Белинского в 1841 г. с Фихте. Идеи человечности и гуманности были главными в дискурсе критика в 40-е гг. «Пророками человечности (гуманности)», «провозвестниками царства божия на земле», «жрецами вечной любви и вечной правды» назвал Белинский Фихте и Шиллера [1, с. 458].

Согласно Белинскому, «гуманическое» движение общества заключалось в развитии науки,

«человечности» – воспитании глубокого «гуманического» начала в индивиде, в образовании, разумном сознании личности, уважении ее достоинства, в доступности всему высокому и прекрасному [1, 411, 415].

Ценность личности примиряла Белинского с либерализмом, отождествляемым им с человеком: «...отныне – для меня *либерал и человек* – одно и то же; абсолютист и кнутовой – одно и то же» [1, с. 422]. Разумность либерализма Белинский видел в возвращении «прав личного человека», в восстановлении человеческого достоинства, «и сам Спаситель сходил на землю и страдал на кресте за *личного человека*» [1, с. 422]. Защита прав конкретной личности, а не абстрактного человека, – таково понимание проблемы личности Белинским в 40-е гг. Осмысление развития личности в либеральном контексте обуславливало актуализацию в текстах критика проблемы «человек – государство». Неслучайно, говоря о правах индивида, Белинский одновременно дал оценку типа российской государственности. Он отмечал, что правительственная политика дает основание отождествлять власть с «кнутобоем», стегаящим, усмиряющим личность в интересах абсолютизма.

Проблема личность и общества в дискурсе Белинского актуализирована со времени восприятия им действительности не как разумной, а эмпирической, и переосмысления своего опыта духовного развития в интеллектуальном кругу Станкевича, представлявшего собой «убежище» от внешнего мира. На суждение Боткина о самодостаточности их дружбы, дающей «то, чего никогда бы не могло нам дать общество», Белинский ответил размышлениями о значении общества в жизни человека. «...без общества нет ни дружбы, ни любви, ни духовных интересов, а есть только порывания ко всему этому... Вся наша жизнь, наши отношения служат лучшим доказательством этой горькой истины. Общество живет известною суммой принципов, которые суть почва, воздух, пища, богатства каждого из его членов, которые суть одни конкретное знание и конкретная жизнь каждого из его членов. Человечество есть абстрактная почва для развития души индивидуума, а мы все выросли из этой абстрактной почвы...» [1, с. 465–466]. Умственный труд в кругу Станкевича в 30-е гг. Белинский назвал «пожиранием без разбора» «духовной пищи» [1, с. 466]. Но она не обратилась «в нашу плоть и кровь», считал он, т. е. не стала ментальной основой их реальной действительности, по-

скольку «идеалисты» не интересовались общественными условиями жизни, называя их внешним миром, отвлекающим от внутренней работы личности.

Идея свободы личности определяла решение Белинским-реалистом *социальных проблем*. Понимая, что обеспечить защиту прав человека можно только в гражданском обществе, Белинский создал его мыслительную конструкцию, основанную на принципах правды, чести, свободы и независимости индивида, уважения его личного достоинства. Под влиянием литературы о древней Греции и Риме, французской революции, исповедуя идею свободы личности, Белинский писал Боткину 27 июня 1841 г.: «Увы, друг мой, я теперь забился в одну идею, которая поглотила и пожрала меня всего. Ты знаешь, что мне не суждено попасть в центр истины, откуда в равном расстоянии видны все крайние точки ее круга; нет, я как-то всегда очутюсь на самом краю. Так и теперь: я весь в идее гражданской доблести, весь в пафосе правды и чести и мимо их мало замечаю какое бы то ни было величие. (...) Во мне развилась какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которые возможны только при обществе, основанном на правде и доблести» [1, с. 468]. Как видим, Белинский связывал решение проблемы личности с преобразованием социально-этических основ жизни общества.

Современное общество не могло обеспечить свободу личности, поэтому Белинский признавал необходимость политических и социальных реформ, а в случае их невозможности – революции, цель которой – установление справедливых общественных отношений. Ранее враждебно относившийся к французскому политическому либерализму, Белинский в начале 40-х гг. воспринимал монархию как систему власти, враждебной идеям независимости индивида. С точки зрения необходимости уважения достоинства каждого человека, монарх не имеет право «стать выше человечества, отделиться от него железною короною и пурпуровою мантиею». Монарх не имеет право внушать унижительный трепет человеку. «Почему я должен снимать перед ним шапку?» [1, с. 469]. По мнению Белинского, даже лучшие цари не ценили жизнь человека: «Царем мог бы быть только бог, бесстрастный и всеведущий. Посмотри на лучших из них, ... когда эгоизм их зашевелится – жизнь и счастье человека для них нипочем. Гегель мечтал о конституционной монархии, – какое узенькое понятие! Нет не должно

быть монархов, ибо монарх не есть брат людям, он всегда отделится от них хоть пустым этикетом, ему всегда будут кланяться хоть для формы. Люди должны быть братья и не должны оскорблять друг друга даже тенью какого-нибудь внешнего и формального превосходства» [1, с. 469].

В начале 40-х гг. В. Г. Белинский пришел к мысли, что преобразование общества потребует жертв – истребления врагов социальной справедливости. Он оправдывал эти жертвы утверждением новой политической и социальной системы, обеспечивающей свободу человека. «Личность человеческая сделалась пунктом, на котором я боюсь сойти с ума. Я начинаю любить человечество маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» [1, с. 468–469]. Эта идея изложена в частном письме близкому другу. Другие письма Белинского свидетельствуют, что он в посланиях к друзьям не стеснялся в выражениях, нередко жестко и резко критикуя то, что ему было ненавистно – он давал выход своим эмоциям, чувствам. В подцензурной печати Белинский не развивал мысли о «маратовской» любви к человечеству. Более того, он осудил монархию как деспотическую форму правления, поддерживавшую социальную иерархию и несправедливость.

Идея личности пробудила интерес Белинского к *социалистическим теориям*. Вероятно, акцентуация на социалистическом варианте решения социальных проблем произошла под влиянием Герцена, исповедовавшего социалистические идеи с начала 30-х гг. Белинский имел возможность неоднократно беседовать о развитии русского общества с Герценом в 1840–1841 гг. в Петербурге и оценить высокий интеллектуальный потенциал друга, его богатую духовную культуру. В письме Боткину он отзывался о Герцене как «благородной личности» [1, с. 472]. Свое увлечение идеей социализма в 1841 г. Белинский характеризовал Боткину как «новую крайность»: «Ты знаешь мою натуру: она вечно в крайностях и никогда не попадает в центр идеи. Я с трудом и болью расстаюсь со старою идеею, отрицаю ее до нельзя, а в новую перехожу со всем фанатизмом прозелита. Итак, я теперь в новой крайности, – это идея *социализма*, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию. И потому ею я объясняю жизнь

мою, твою и всех, с кем встречался я на пути жизни» [1, с. 479].

В. Г. Белинский мечтал о решении проблемы нищеты и невежества людей в России – самых значимых, с его точки зрения, социальных вопросов общества того времени. Людям, как «братьям по человечеству», «ближним по Христе», должно быть дано равное право на жизнь, благополучие, образование. Белинский остро переживал бедность людей, ощущая невозможность только путем благотворительности решить проблему их материального обеспечения. Он мыслил не абстрактными категориями, например, в контексте «общего блага», а представлениями о жизни реального человека: «Социальность, социальность – или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? Что мне в том, что я понимаю идею, что мне открыт мир идеи в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству, моими ближними во Христе, но кто – мне чужие и враги по невежеству» [1, с. 482].

В. Г. Белинский осознавал пропасть между культурными людьми, интересовавшимися наукой и искусством, и необразованной массой, идентифицируемой им как «чужие», «враги», не понимающие мир идей. Мысль о культурном расколе общества на группы, отличающиеся жизненными интересами и ценностями, – одна из основных в оценках Белинским идейно-нравственных составляющих современного ему социума. Контекст слова «враги» позволяет заключить, что Белинский имел в виду людей, не владевших научными знаниями, не понимавших ценности искусства, а вынужденных думать о хлебе насущном. Они – «враги» высокой культуры, так как, не зная ее, они легко могут ее разрушить. Но в аспекте принадлежности к человечеству и отношения к Богу они – братья, о которых у Белинского болит душа. «Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достается мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей. Горе, тяжелое горе овладевает мною при виде и босоногих мальчишек, играющих на улице в бабки, и оборванных нищих, и пьяного извозчика, и идущего с развода солдата, и бегущего с портфелем под мышкою чиновника, и довольного собою офицера, и гордого вельможу. Подавши грош солдату, я чуть не плачу, подавши грош нищей, я бегу от нее, как будто сделавши худое дело и как будто не желая слышать шелеста собственных шагов своих. И это жизнь: сидеть на улице в лохмотьях, с идиотским выражением на лице, набирать днем несколько грошей, а вечером пропить их в кабаке – и люди это видят, и никому до этого нет дела! Не знаю, что со мною делается, но иногда с сокрушительною тоскою смотрю на девку (...), и ее бессмысленная улыбка, печать разврата во всей непосредственности рвет мне душу, особенно, если она хороша собою» [1, с. 482–483].

Размышления в частной переписке о нищенском уровне жизни большинства русского народа не являются характерной чертой эпистолярного жанра. С высоким эмоциональным напряжением («рвет мне душу») Белинский рассказал другу о своих переживаниях: его мучило беспросветное, бедственное положение народа. К его сожалению, жизнь низших социальных групп не заботила лиц, обладавших властью решать общественные проблемы. Безвыходность положения народа, его обреченность на нищету и невежество возмущала Белинского. Он пришел к мысли, что самыми значимыми задачами являются **социальные проблемы** – *надо вывести народ из нищеты и невежества*. «И после этого имеет ли право человек забывать в искусстве, в знании! Я ожесточен против всех субстанциональных начал, связывающих в качестве верования волю человека! Отрицание – мой бог» [1, с. 483]. Русским людям необходима свобода мысли, право на отрицание неразумных начал общественной жизни – такие выводы сделал Белинский из анализа социальных проблем российской действительности. **Отрицание авторитетов**, поклонения которым требует религия и общество, – важная черта социальной позиции Белинского, выбравшего свободу осмысления реальной жизни общества и направлений его развития. Усвоив гегелевские законы диалектики, Белинский смело отрицал те основы социально-нравственного и политического устройства общества, которые препятствовали свободному волеизъявлению индивида.

В. Г. Белинский, не вдаваясь в теоретический анализ движения общества, рассказал Боткину в письме о своей **мечте** – **вере** в *возможность установления социальной справедливости, когда*

общественные отношения будут регулироваться исключительно моральными нормами, а высшими ценностями будут признаваться любовь и право человека быть свободным и счастливым по своему разумению, когда не общественное мнение создает модель социально-нравственного поведения, а человек действует, руководствуясь усвоенными им этическими принципами. «И настанет время – я горячо верю этому, настанет время, когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы, когда преступник, как милости и спасения, будет молить себе казни, и не будет ему казни, но жизнь останется ему в казнь, как теперь смерть; когда не будет бессмысленных форм и обрядов, не будет договоров и условий на чувство, не будет долга и обязанностей, и воля будет уступать не воле, а одной любви; когда не будет мужей и жен, а будут любовники и любовницы, и когда любовница придет к любовнику и скажет: “Я люблю другого”, любовник ответит: “Я не могу быть счастлив без тебя, я буду страдать всю жизнь; но ступай к тому, кого ты любишь”, и не примет ее жертвы, если по великодушию она захочет остаться с ним, но, подобно богу, скажет ей: “Хочу милости, а не жертвы...” Женщина не будет рабой общества и мужчины, но, подобно мужчине, свободно будет предаваться своей склонности, не теряя доброго имени, этого чудовища – условного понятия. Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос сдаст свою власть Отцу, а Отец-Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новою землею. Не думай, чтобы я мыслил рассудочно: нет, я не отвергаю прошедшего, не отвергаю истории – вижу в них необходимое и разумное развитие идеи; хочу золотого века, но не прежнего, бессознательного, животного золотого века, но приготовленного обществом, законами, браком, словом, всем, что было в свое время необходимо, но что теперь глупо и пошло» [1, с. 483–484]. В этой мысли Белинского заключен его общественный идеал, названный им самим «верой» в социальную справедливость и гуманизм.

Развитие общества на основе законов В. Г. Белинский признавал разумным. Этот этап в истории социума в рамках законов был необходимым, но все же переходным к другому периоду – времени социальной справедливости, названному им «золотым веком». *Искание «золотого века»*, свойственное людям той эпохи в России, – одна из причин создания социальных утопий. Белинский признавал, что его идеи о «золотом веке» – из

области «веры». Он писал Боткину: «Не думай, чтобы я мыслил рассудочно: нет, я не отвергаю прошедшего, не отвергаю истории – вижу в них необходимое и разумное развитие идеи; хочу золотого века...» [1, с. 484]. Общество, регулируемое законами и браком, Белинский в начале 40-х гг. воспринимал как глупое и пошлое состояние [1, с. 484].

В. Г. Белинский, как и другие представители западной мысли, недооценивал значимость развития правовых отношений. Он рассматривал право как временный регулятор общественных отношений на этапе, когда нравственное воспитание людей не обеспечивало гуманизации социального поведения и жизненных ориентиров личности. Отсутствие юридического образования сказалось на понимании Белинским факторов развития общества. Оставаясь гегельянцем в сфере мысли о факторах прогресса, он считал, что развитие самосознания индивида является главным условием совершенствования социума. Он писал на эту тему: «Разум и сознание – вот в чем достоинство и блаженство человека...» [1, с. 485]. Непосредственное существование человека вне научного знания не позволяет ему стать разумно мыслящей личностью, считал он. Счастье «непосредственности» Белинский назвал «позорным», оно было ему ненавистно [1, с. 485]. Одновременно возлагая надежды и на становление нового типа личности, и на правительственные реформы, Белинский верил в социальный прогресс, не отрицая возможности революции, если эволюционные факторы не обеспечивали необходимого результата в процессе цивилизации общества.

Главной положительной чертой личности Белинский считал человечность, понимаемую им как любовь к людям, уважительное отношение к ним, доброту. Так, он был открыт для общения с Кульчицким, хотя и считал, что он «неглубок и недалек». Белинский писал Боткину, что любил его друга Кульчицкого от души: «Он человечен – этого довольно, чтобы любить его. Он любит, обожает тебя – и моя рука всегда готова позвать от души его руку» [1, с. 485].

В представлении Белинского, *общество* – социальная среда жизни личности, сфера реализации ею своих замыслов. Деятельность индивида возможна только в обществе. Как бы человек ни относился к социальным нормам, диктуемым обществом, он должен признавать необходимость взаимодействия с социумом. Отмечая несхожесть ментальности интеллектуалов с уста-

новками, поддерживаемыми обществом, Белинский писал Боткину 8 сентября 1841 г.: «...общество смотрит на нас, как на болезненные наросты на своем теле; а мы на общество смотрим, как на кучу смрадного помету. Общество право, мы еще правее. Общество живет известною суммою известных убеждений, в которых все его члены сливаются воедино, как лучи солнца в фокусе зажигательного стекла, понимают друг друга, не говоря ни слова» [1, с. 480]. Основную причину нежелания высокообразованных людей разделять социальные установления светского общества Белинский, как и его единомышленники, видел в отличии ценностей культурной элиты от жизненных ориентиров бомонда. *Источником интересов, мотивов деятельности личности является общество*, заявлял Белинский: «Без цели нет деятельности, без интересов нет цели, а (без) деятельности нет жизни. Источник интересов, целей и деятельности – субстанция общественной жизни» [1, с. 480]. Круг идей культурных людей в России огромный, но сфера интеллектуального труда развита слабо, считал критик, поэтому трудно найти применение своим знаниям в интересах общества: «...мы же – люди, для необъятного содержания жизни которых ни у общества, ни у времени нет готовых форм» [1, с. 480].

Потребность в деятельности – одна из основных черт ментальности западников 40-х гг. Целью деятельности, с их точки зрения, должна быть «цивилизация общества», смысл которой заключен в «очеловечении человека», саморазвитии личности. Интеллектуалы способны и могут вести просветительную работу. Многие, понимающие ценность знаний, с уважением относятся к деятелям культуры. Но сфера их деятельности узка. «Я встречал и вне нашего кружка людей прекрасных, которые действительнее нас; но нигде не встречал людей с такою ненасытимой жаждой, с такими требованиями на жизнь, с такою способностью самоотречения в пользу идеи, как мы. Вот отчего все к нам льнет, все подле нас изменяется. Форма без содержания – пошлость, часто довольно благовидная; содержание без формы – уродливость, часто поражающая трагическим влечением, как мифология древнегерманского мира» [1, с. 480].

Мифы создаются, по Белинскому, когда отсутствуют формы для содержания. Преломление этой мысли в социальном аспекте означало отсутствие в реальной жизни условий для реализации мечты. Отрыв от действительности, погружение в мир

идей, ставших целью интеллектуальной деятельности, вели к формированию ментального пространства, наполненного мифами, прекрасными образами. Белинский неоднократно пытался объяснить себе и друзьям, почему они в молодости погрузились в свой внутренний мир, выработали себе книжное восприятие личности: «...непосредственно поняли мы, что в жизни мы не могли жить, то и ударили со всех ног в книгу и по книге стали жить и любить, из жизни и любви сделали для себя занятие, работу, труд и заботу. (...) мы, ...как манна небесной, алкали *объективных интересов*; но их не было, и мы продолжали быть призраками, а наша жизнь – прекрасным содержанием без всякого определения. (...) Ища исхода, мы с жадностью бросились в обаятельную сферу германской созерцательности и думали мимо окружающей нас действительности создать себе очаровательный, полный тепла и света мир внутренней жизни. (...) Действительность разбудила нас и открыла нам глаза, но для чего...» [1, с. 480–481]. Белинский-реалист был уверен в том, что человек должен быть ориентирован не только на свои внутренние потребности, но и на «внешние общественные интересы» [1, с. 481].

Внутренняя жизнь человека значима для него: она условие его становления, самопознания, самоопределения, считал Белинский. Он называл ее «уголком» жизни, но сама жизнь возможна только в обществе. Включенность личности в систему культурной коммуникации, гражданская деятельность – обстоятельства самореализации личности, пояснял Белинский своему другу Николаю Бакунину в 1841 г. Он писал ему: «У всякого человека должен быть свой уголок, куда бы он мог укрыться от ненастья жизни; (...) но уголок и должен быть уголком, а не миром, жизнь же должна быть в мире. (...) Я хочу сказать, чтобы вы своего кружка не брали меркою мира, но как можно [больше] из мира вносили бы в свой уголок; мир же есть жизнь в общем значении» [1, с. 499].

Идея достоинства личности «поглотила» мысли Белинского с осени 1840 г. и стала основой его мировоззренческой системы. Основные элементы дискурса Белинского-реалиста начала 40-х гг., самостоятельно осмысливавшего проблему взаимоотношения человека с обществом, – мысли о *достоинстве личности, гражданской деятельности, жизни в реальном мире, решении социальных проблем*. Развитие личности должно влиять на общество, транслировать свою богатую духовную культуру другим людям. В пони-

мании Белинского, общество создает условия жизни человека, передавая ему свой опыт, культуру, предлагая социальные и нравственные нормы взаимоотношений. Человечество обладает интеллектуальным наследием. Индивид, чтобы жить в реальном мире, должен понимать свое время и общество, к которому он принадлежит. Ему открыт и мир идей, выработанных мыслителями разных эпох и народов. Оставаясь представителем своего социума, он может наследовать мировую культуру. Любой вариант ограничений, изоляция либо от общества, либо от человечества ведет к односторонности развития.

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. Письма 1829–1848 годов [Текст] / В. Г. Белинский // Собрание сочинений: в 9 т. / В. Г. Белинский. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 9. – 863 с.
2. Боткин, В. П. Письмо Н. П. Огареву от 17 февраля 1845 [Текст] / В. П. Боткин // Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма / В. П. Боткин. – М.: Советская Россия, 1984. – 320 с.
3. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – М.: INTRADA, 1999. – 415 с.
4. Т. Н. Грановский и его переписка. – М., 1897. – Т. 2. – 496 с.
5. Егоров Б. Ф. Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина [Текст] / Б. Ф. Егоров // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 480–490.

6. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли [Текст] / Иванов-Разумник: в 3 т.; подготовка текста, послесл. и примеч. И. Е. Задорожнюка и Э. Г. Лаврик. – М.: Республика; TERRA, 1997. – Т. 1. – 416 с.

7. Щукин, В. Г. Русское западничество. Генезис, сущность, историческая роль [Текст] / В. Г. Щукин. – Lodz: Ibidem, 2001. – 368 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Belinskij, V. G. Pis'ma 1829–1848 godov [Tekst] / V. G. Belinskij // Sbranie sochinenij: v 9 t. / V. G. Belinskij. – M.: KHudozhestvennaya literatura, 1982. – T. 9. – 863 s.
2. Botkin, V. P. Pis'mo N. P. Ogarevu ot 17 fevralya 1845 [Tekst] / V. P. Botkin // Botkin V. P. Literaturnaya kritika. Publitsistika. Pis'ma / V. P. Botkin. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1984. – 320 s.
3. Ginzburg, L. YA. O psikhologicheskoy proze [Tekst] / L. YA. Ginzburg. – M.: INTRADA, 1999. – 415 s.
4. T. N. Granovskij i ego perepiska. – M., 1897. – T. 2. – 496 s.
5. Egorov B. F. EHvolyutsiya russkogo liberalizma v XIX veke: ot Karamzina do CHicherina [Tekst] / B. F. Egorov // Iz istorii russkoj kul'tury. T. V (XIX vek). – M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. – S. 480–490.
6. Ivanov-Razumnik. Istoriya russkoj obshhestvennoj mysli [Tekst] / Ivanov-Razumnik: v 3 t.; podgotovka teksta, poslesl. i primech. I. E. Zadorozhnyuka i EH. G. Lavrik. – M.: Respublika; TERRA, 1997. – T. 1. – 416 s.
7. SHHukin, V. G. russkoe zapadnichestvo. Genezis, sushhnost', istoricheskaya rol' [Tekst] / V. G. SHHukin. – Lodz: Ibidem, 2001. – 368 s.